

А когда можно говорить о максимальной степени доверия к принимающей стране? Если головная компания осуществляет портфельные инвестиции в дочерние фирмы не с целью управления и контроля, а с целью получения дивидендов на вложенный капитал. Это будет означать полное доверие к принимающей стране и наивысшую ступень интернационализации деловой активности компании.

Таким образом, если за границей создается дочернее общество, то степень доверия к данной стране с позиций бизнеса является максимальной. Если создается совместное предприятие, то предпринимательский климат принимающей страны вызывает опасения, и компания предпочитает разделить риск с зарубежным деловым партнером, поэтому степень доверия невысокая. В этом заключается макроэкономическое значение ступенчатой модели интернационализации Майснера.

В завершение важно подчеркнуть, что многие авторы в последующем дополняли и модифицировали модель интернационализации Майснера. Если студенты подойдут к этому вопросу творчески, то и они смогут предложить свои варианты и графические интерпретации модели. Лектор далее может обозначить возможные направления такой творческой деятельности, например включение в модель других видов заграничной деловой активности (их правильное расположение) или внесение изменений в графическое изображение.

Подобная концепция изложения модели интернационализации Майснера может рассматриваться как творческий акт, возникающий в процессе педагогической деятельности, а также как метод активизации познавательной деятельности студента во время лекции.

К. А. Холмецкий

ПОЛИПАРАДИГМИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗАХ

Фундаментальные цивилизационные изменения, происходящие в мире на стыке тысячелетий, требуют нетрадиционных подходов к организации учебного процесса. Речь идет о подходах, соответствующих современным науке, технологиям, ценностям и отношениям, а значит, о формировании модели образования, позволяющей сочетать широкие культурные знания с возможностью глубокого постижения большого числа дисциплин.

Эта общая задача стоит и применительно к преподаванию экономических дисциплин.

Во-первых, в рамках экономического знания прогрессирует плюрализм взглядов и позиций как отдельных ученых, так и школ и направлений, при том что растет число отраслевых узкопредметных специальностей.

Во-вторых, возрастающая сложность, многогранность и взаимосвязанность всех компонентов объекта познания (хозяйственной системы), а также стремление эффективнее преодолеть историческую ограниченность знания в той или иной его конкретной сфере обуславливают необходимость междисциплинарного подхода к анализу хозяйственного взаимодействия. Соответственно развиваются методологические связи экономической теории с социологией, философией, политологией, психологией, культурологией, с комплексом точных и естественных дисциплин (последнее обусловлено не только потребностями формализации результатов экономических исследований, но и необходимостью всесторонне учитывать экологические факторы). В результате увеличивается объем информации, которую хотелось бы «втиснуть» в рамки учебного процесса.

В-третьих, в условиях чрезвычайной пластичности и динамичности хозяйственной среды в экономике возникают принципиально новые проблемы, происходит непрерывная ломка тенденций во всех областях и сферах хозяйственного взаимодействия; фактология устаревает порой быстрее, чем завершается подготовка очередного учебника.

В результате преподаватель вынужден пытаться либо «объять необъятное», либо отбирать конкретные концепции и теории. В первом случае различные модели и концепции излагаются конспективно, теряются их нюансы, примитивное их изложение в учебниках и учебных пособиях приводит к некритическому восприятию многих положений ортодоксальной экономической теории, к превращению их в своеобразные догматы. Во втором случае теряется общее видение предметного поля. Каждая из существующих экономических концепций, рисуя определенную картину системы хозяйственных связей, отображает ее соответственно особенностям своих исходных представлений, своей аксиоматике и методологии. Различные интерпретации одного и того же процесса или явления, неодинаковые выводы из их анализа затрудняют формирование четкого и комплексного представления об экономике как целостной системе.

Отдельной методологической проблемой подобного плана выступает вопрос о совмещении в процессе преподавания экономических дисциплин политэкономии и экономикс. Как известно, в учебном процессе белорусских вузов произошел почти повсеместный отказ от экономической теории в виде политической экономии и в большинстве своем преподается экономикс с двумя разделами: микро- и макроэкономикс. Однако многими белорусскими и российскими экономистами такой переход был оценен неоднозначно.

Для объяснения причин данного противоречия разграничим, прежде всего, сами понятийные поля экономики и политической экономии. В основе учебного курса экономики лежит концепция А. Маршалла дополненная идеями, с одной стороны, кейнсианства, некейнсианства (Р. Харрод, Э. Хансен), посткейнсианства (Дж. Робинсон, П. Сраффа); с другой – монетаризма (М. Фридмен) и пересекающейся с ним «новой классической теории» (А. Лаффер, М. Эванс и др.). В свою очередь, в глубинной основе этой суммы знаний лежит маржинализм (У. Джевонс, К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер, Л. Вальрас и др.), теория факторов производства (восходящая к Ж.-Б. Сэю) и предельной производительности (Дж. Б. Кларк). Неоклассический синтез (П. Самуэльсон), инкорпорируя кейнсианские идеи в систему постулатов теории рыночного равновесия (поскольку Дж. М. Кейнс также во многом основывался на последних), избежал принятия духа кейнсианства, отрицающего автоматизм рыночного равновесия. Институционализм, неoinституционализм и ряд менее известных школ при этом вообще остались «по ту сторону» типичных учебных курсов (в лучшем случае преподаются наряду с ними).

В отличие от этой суммы знаний и дисциплин термин «политическая экономия» для большинства экономистов ассоциируется с классической экономической теорией, на базе которой в середине прошлого столетия сформировались две противоположные теоретические парадигмы – марксистская (или политэкономия труда) и иная, называемая некоторыми исследователями политэкономией капитала, включающая в себя широкий круг школ, развивавших идеи предельной полезности факторов производства и т. п. Ряд из них положен в основу объяснения механизмов функционирования рынка, излагаемых в учебниках экономики. Нельзя поэтому сказать, что экономика вообще не имеет отношения к политической экономии. Однако развитие собственных политико-экономических предпосылок давно уже стало для экономики более чем второстепенным делом.

Действительно, если внимательно подойти к содержанию экономики, то не возникнет больших сомнений в том, что в данном случае мы имеем дело прежде всего с прикладной экономической дисциплиной, ориентированной в основном на развитое рыночное хозяйство, носящей абстрактный характер и явно грешащей так называемым рыночным фундаментализмом. Действительно, рыночные ценности, как весьма насущные в условиях рыночной экономики, заслоняют ценности общечеловеческие. Рыночные ценности – реальность, и с ними как таковыми невозможно и не нужно бороться. Но, чтобы не ограничиваться ими, необходима такая экономическая теория, которая выходила бы далеко за рамки проблем товарных отношений.

Подобное положение дел объясняется тем, что на подобную идеологизированную доктрину имеется непосредственный социальный заказ. Для господствующей практики стабильного регулируемого (минимально, в духе неоллиберализма) рыночного хозяйства, не ждущего сколько-нибудь значительных качественных перемен, более того, отторгающего такие перемены, – для такого хозяйства экономикс есть наиболее адекватная парадигма научных исследований и экономического образования. Эта парадигма детализирует знания о механизмах функционирования такой системы, что полезно для успешного бизнеса на микро- и макроуровнях при условии, что в основах рыночной системы не происходит качественных изменений.

С точки зрения идеологии для господствующих политических сил наиболее важной задачей в области нормативного массового сознания является поддержание уверенности в стабильности, незыблемости, эффективности данных ценностей и решений. И именно парадигма экономикс необходима для решения этой задачи, ибо в ее рамках и анализ, и обучение ведут либо прямо, «не замечая» наиболее «опасные» (с точки зрения поддержания стабильности данной системы) вопросы об источниках богатства, справедливости и исторических границах данной системы, либо давая на них ответы строго в рамках абстрактной теории общего рыночного равновесия.

Что же касается политической экономии, то даже наиболее близкие к экономикс фундаментальные теории (предельной полезности, предельной производительности, факторов производства и т. п.) лишь относительно терпимы к ней. Любая политическая экономия, как фундаментальная наука, неудобна уже тем, что ставит основополагающие вопросы, пробуждая идеологически опасную критичность ума. Например, марксизм, как теория, исследующая закономерности генезиса, развития и отмирания экономических систем (в том числе рыночной), опасен для хозяев общества, ориентированного на сохранение status quo. Кроме того, политическая экономия труда ставит и заставляет критически осмысливать проблемы собственности, социального неравенства, противоречия общественных интересов, вычленив их причины, что также опасно для стабильной буржуазной системы.

Вследствие всего этого стандартный учебный курс, как правило, ограничивается лишь использованием выводов, почерпнутых из некоторых школ политической экономии капитала, представляя эти выводы как аксиомы, а не как теории, требующие критического осмысления.

В то же время подобный подход чреват определенными изъянами, проявляющимися в неспособности экономикс решить ряд проблем, которые ставит перед экономической наукой все более усложняющаяся современная практика глобализированной хозяйственной жизни.

Так, многие авторы отмечают, что экономика часто оказывается непригодной для анализа качественных социально-экономических трансформаций. Мировая экономика XX–XXI вв. знаменуется началом качественных перемен, которые в рамках экономики не находят адекватного отражения, фиксируясь как «внешние эффекты», исключения из правил.

К таким изменениям можно отнести изменения в природе факторов производства. Аксиомы экономики включают выделение в качестве объекта исследования ограниченных ресурсов, удовлетворяющих массовые потребности при рациональном поведении индивида. Но по мере формирования постиндустриального (информационного и т. п.) общества такие ресурсы, как культурные ценности, знания, ноу-хау, большая часть создаваемых творческой деятельностью информационных продуктов и многие другие наиболее дорогостоящие, конкурентоспособные, ключевые для прогресса экономики XXI в. ресурсы становятся:

- неограниченными в том смысле, что уничтожить информацию в процессе потребления нельзя, ее могут потреблять все и бесконечно без ущерба для самого продукта (хотя, безусловно, сам набор информационных ресурсов ограничен);
- уникальными (они являются продуктом творческого труда и всякий раз как удовлетворяют, так и создают новую потребность);
- невозпроизводимыми, но тиражируемыми при минимальных издержках.

Соответственно и потребности во все большей мере становятся уникальными и постоянно изменяющимися и, кроме того, весьма далеко уходят от утилитарных благ и услуг. Качества рационального экономического человека, и раньше не полностью определявшие поведение людей, модифицируются, а экономическая рациональность играет все меньшую роль. Экономическая жизнь протекает в условиях, где неопределенность является ключевым фактором.

Во-вторых, происходят качественные изменения в самих основах экономической жизнедеятельности: на смену индустриальным технологиям идут информационные, репродуктивному индустриальному труду – творческая деятельность, материальному производству – услуги, образование и т. д. Изменяется и структура общественного производства: растет не просто сфера услуг, но роль информационно-интенсивной экономики.

В-третьих, изменяется модель экономических отношений. Подрываются реальные основы абстрактной модели совершенного рынка (конкуренция, эквивалентность обмена и т. п.), имеет место неотчуждаемость продукта творческого труда, формируются «адаптивные» корпорации и предпринимательство, имеющие «посткапиталистическую» природу.

Однако в рамках стандартной модели экономикс все эти изменения игнорируются, либо указывается то, что такие феномены выходят за рамки стандартного курса экономической теории.

Отдельно хочется отметить существенные трудности, возникающие при попытках анализа современного мира как единой глобальной социально-экономической системы с помощью инструментария экономикс. Рынок (а точнее, система форм хозяйствования, характерных для «позднего капитализма») является лишь одним из механизмов функционирования этой системы, но реальная социально-экономическая власть (а значит, распределение ресурсов и доходов, направление трансакций и т. п.) в мире принадлежит сложно организованным кланово-корпоративным международным и национальным структурам и различным элитам, отношения между которыми строятся далеко не по правилам экономикс.

В частности, «внутреннюю жизнь» гигантских корпоративно-финансовых группировок уже нельзя описывать как исключительно внутрифирменные отношения или собственно менеджмент: в ее рамках и вокруг нее складывается единый комплекс экономических (распределение ресурсов, доходов и прав собственности, воспроизводственные пропорции, организация и мотивация труда), социальных и волевых отношений, составляющих один из ключевых аспектов реальной социально-экономической жизни современного мира.

Кроме того, современная глобальная социально-экономическая жизнь – это не только единый мировой рынок товаров, рабочей силы, капиталов и т. п., но и система глобальных проблем и межинституциональных противоречий. В преподавании экономических дисциплин необходимо учитывать тот факт, что глобальные проблемы являются ныне по меньшей мере столь же значимым детерминантом реальной экономической жизни, сколь и законы экономикс. Поскольку первые не отображаются при помощи вторых (а если и отображаются, то, опять же, методом редукционизма – нагромождения все новых «исключений» из базовой модели функционирования рынка, когда, например, вся специфика новых отношений общества и природы на основе ноосферных принципов сводится к учету экстерналий), то здесь исследователю и преподавателю крайне важно освоить выходящий далеко за рамки экономикс круг теоретических представлений.

Наконец, специфику современных переходных экономик, в частности Республики Беларусь, нельзя понять только как некоторую особенность привычных микро- и макроэкономических закономерностей. Даже чисто рыночные, на первый взгляд, механизмы (например, формирование цен) на деле в переходных экономиках действуют иначе, нежели это описывают классические теории микроэкономики.

Таким образом, необходимо дополнение господствующей ныне парадигмы экономикс как теоретически недостаточной для исследования и отображения глобальной мировой экономики и для осмысления качества современного социально-экономического строя. С этой целью необходимо, прежде всего, критически и творчески освоить методологию и теорию различных политико-экономических школ (прежде всего, политической экономии, как наиболее выраженной альтернативы экономикс в области определения предмета исследования и методологического подхода).

Каким же образом можно осуществить подобный синтез? Основная сложность здесь, на наш взгляд, заключается в том, что современные западные научные теории и политическая экономия – это два разных культурно-исторических пространства, каждое из которых имеет свой собственный язык. Как известно, очень сложно совместить в рамках единой теории концепции, основанные на различных исходных понятиях, на разной аксиоматике. Представители разных школ способны взаимодействовать только с помощью перевода и принципиально не могут достичь органичного научного единства.

В этой связи целесообразным является разделение преподавания политической экономии и экономикс по двум структурообразующим направлениям: экономической теории и истории экономической мысли. Данное разделение играет важнейшую роль в установлении общего культурного единства в многоязыковом теоретическом пространстве, формируя определенную субординацию из актуальных и исторических теоретических ценностей. История экономической мысли выполняет важную функцию специфического буфера обмена ценностей. Для этого она использует свои собственные методы анализа. Зная эти методы, теоретик-экономист может эффективно актуализировать любые теоретические экономические знания.

Отметим, что «отправка» классической теории в раздел истории не означает ее «депаспортизации» и даже ее деактуализации. Она «там» продолжает работать, но лучше, эффективнее. Подобно тому как возникающая материя остывает, превращаясь в овеществленные структуры, любая теория, возникая как совокупность «высокотемпературных» идей, со временем также остывает. Процесс остывания – это, скорее, процесс ее критического осмысления, в ходе которого она становится базисом, основанием новых теорий. Пока температура высокая, процесс творения новых идей движется, теория обладает научным статусом, она еще не в «истории». Если температура низкая и теорию уже «можно трогать руками», она попадает в историю науки, задача которой придавать ей актуальный смысл, прежде всего своими методами.

В то же время необходимо уделять внимание в процессе обучения и нахождению многообразия и точек соприкосновения как основных школ по-

литической экономики, так и современных западных экономических теорий в решении важнейших вопросов экономической жизни, начиная с предмета и метода, включая трактовку таких понятий, как товар и стоимость, деньги, капитал, собственность воспроизводство и т. п. Подобный подход поможет студентам понять азы различных подходов к исследованию экономической жизни, аргументы и обоснование различных научных школ, позволит критически воспринимать те или иные взгляды, вести полемику, самостоятельно формировать предпочтения.

Таким образом, мы сможем достичь плюрализма, равноправия и диалога различных теоретических школ при доминировании междисциплинарного подхода. Без этого современный специалист, аналитик не сможет ни сформироваться, ни вести плодотворных исследований, особенно фундаментального свойства. Если мы хотим выпускать не только узких специалистов по прикладным дисциплинам, но и молодое поколение экономистов, способных анализировать все многообразие социально-экономической жизни, критиковать и творчески развивать существующие концепции, понимать экономические основы социальных, политических и идейных противоречий в современном мире, мы должны дать им представление не только об экономике, но и о всем комплексе современных социально-экономических теорий, о реальной сложности глобальной экономики начала третьего тысячелетия.

Л. А. Климович

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА БИЗНЕС-ПЛАНИРОВАНИЯ

Мировой опыт показывает, что основным источником экономического роста являются инвестиции – государственные и частные, в том числе иностранные. Однако в настоящее время сохраняются довольно существенные препятствия для иностранных инвесторов, которые включают в себя как внешние, так и «внутренние», «субъективные» проблемы. Суть их в отсутствии у хозяйствующих субъектов, действующих в сфере реальных инвестиций, достаточного опыта и знаний, необходимых для эффективной реализации инвестиционных проектов. В этом плане особое значение приобретает квалифицированное бизнес-планирование. Но, как показывает анализ бизнес-предложений отечественных предприятий, лишь немногие понимают, насколько большой объем информации необходимо обработать